

когда соловецкое восстание началось, Аввакум попытался из пустозерской темницы восстановить свои связи с Соловками и, вероятно, с тем же Никанором. В 1669 г. он хотел направить в Соловки с письмами своего испытанного помощника бесстрашного юродивого Федора, который в это время жил на Мезени вместе с семьей Аввакума: «В Соловки-те Федор хотя бы подъехал, — писал Аввакум своей семье, — письма-те спрятав, в монастырь вошел, как мочно тайно бы, письма-те дал, и буде нельзя, ино бы и опять назад совсем» (916). В том же году и дьякон Федор писал из Пустозерска на Мезень Ивану, сыну Аввакума, чтобы он, получив составленную им от лица всех четырех пустозерских «соузников» полемическую книгу «Ответ православных», дал переписать ее «верным человеком» и «добрым письмом»; а затем эту книгу, как писал Федор Ивану, «в Соловки пошли и к Москве верным».⁵⁰

Аввакум понимал противоправительственный характер соловецкого восстания и не раз с глубоким сочувствием говорил о нем: «А ныне и Соловки в осаде морят, пять лет не едчи» (811) — или: «В осаде сидят семь годов милые, алчни и жадни, наги и боси, терпят всякую нужду ради веры православныя» (522—523). Провиденциально связывая подавление соловецкого восстания (22 января 1676 г.) с последовавшей за ним через неделю смертью царя Алексея Михайловича (30 января), Аввакум старался возвысить значение этого восстания в глазах современников до события общегосударственной важности. По его словам, царь, «яко бог века сего взимаяся гордостию, но Соловецкой монастырь сломил гордую державу его. В которой день монастырь истнил, о тех днях в той день и сам исчез»⁵¹ Аввакум развивал эту идею в устрашающие читателей картины будто бы имевшего место предсмертного раскаяния и осуждения царя, который «расслаблен бысть прежде смерти и прежде суда того осужден, и прежде бесконечных мук мучим».⁵² В отчаянии обращается царь к якобы «явившимся» ему соловецким старцам: «Господие мои, отцы соловецкие, старцы! отродите ми, да покаюся воровства своего, яко беззаконно содеял, отвергся христианския веры . . . и вашу Соловецкую обитель под меч подклонил, до пяти сот братии и большеи. Иных за ребра вешал, а иных во льду заморозил».⁵³ При этом, добавляет Аввакум, у царя «изо рта и из носа и из ушей нежид (сукровица, гной, — *А. Р.*) течет, бытто из зарезаные коровы И бумаги хлопчатые не могли напасться, затыкая ноздри и горло».⁵⁴ Царь «кричит, умирая: „Пощадите, пощадите!“». На вопрос никониан: „Кому ты . . . молился?“, он говорит: „Соловецкие старцы пилами трут мя и всяким оружием, велите войску отступить от монастыря их!“».⁵⁵ Но было уже поздно, потому что осажденные, как замечает Аввакум в заключение, «в те дни уже посечены быша».⁵⁶

Этот сюжет был общим достоянием пустозерских узников. Воспроизводя аналогичные картины, Федор добавлял, что царь обращался с предсмертной молитвой к «новым преподобном ученикам соловецким»,⁵⁷ и, следовательно, здесь речь шла о «явлении» ему не канонизированных основателей монастыря Зосимы и Савватия, а современников — руководителей саады. Рассказывая внимающим ему «со ужасом» придворным об этом

⁵⁰ Я Л Барсков, стр 68—69

⁵¹ Послание всем «ищущим живота вечнаго»: Житие, стр. 279.

⁵² Совет святым отцам преподобным Житие, стр 255 (далее Совет)

⁵³ Там же

⁵⁴ Там же

⁵⁵ Там же

⁵⁶ Там же

⁵⁷ Материаль, т VI М, 1881, стр 219